

высмеивать образы, позаимствованные из массовой культуры вместе с принципами функционирования современных СМИ. Соответственно, постсоветское творчество авторов оказалось интегрировано в капиталистическую культуру и может рассматриваться исследователями, в том числе, в качестве частной вариации поп-арта.

Впрочем, феномен массовой культуры далеко не всегда занимал главенствующую позицию в их творчестве: оба автора продолжали экспериментировать с манерой письма, задействуя разные стилистические образы. Таким образом, В. Сорокин адаптировал формат фэнтези, фантастики для создания нарративов, обличающих консервативные настроения, а Д. Пригов продолжил развивать сознательную графоманию уже в современном контексте, обращаясь к различным мотивам.

Литература

1. Коллективные действия. Описательные тексты, фото, видео и фонограммы акций [Электронный ресурс]. URL: <https://conceptualism.letov.ru/KD-actions.html> (дата обращения: 01.05.2023).
2. Лианозовская школа: Между барачной поэзией и русским конкретизмом: сб. статей / под ред. Г. Зыковой, В. Кулакова, М. Павловца. М.: НЛО, 2021. 840 с.
3. Моржухин В.А. Специфика психоделического дискурса в прозе Павла Пепперштейна // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. С. 247–249.
4. Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов: сб. статей / под ред. И. Кукулина, М. Майофис, М. Липовецкого. М.: НЛО, 2010. 784 с.
5. Пивоваров В. Влюбленный агент. М.: Арт Гид, 2016. 368 с.
6. Уффельманн Д. Дискурсы Владимира Сорокина / пер. с англ. Т. Пирусской. М.: НЛО, 2022. 312 с.

В.Н. Иванова

Самарский университет, Самара, Россия

РОЖДЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДИАЛЕКТИКЕ ΜΙΜΗΣΙΣ / ΠΟΙΗΣΙΣ НА МАТЕРИАЛЕ ДРАМЫ: АТТРАКТОР В ТЕАТРЕ СОФОКЛА И ТЕАТРЕ ЧЕХОВА

Аннотация. В статье уточняется понимание мимесиса и пойесиса в соотношении этих понятий с аттрактором и сложными динамическими системами. Обосновывается связь этих понятий, а также найден ряд аналогий и паттернов, которые проявляют себя

в античной драме и в новой драме. В частности, анализируется драматический сюжет трагедий «Царь Эдип» и «Антигона» Софокла, показано, как реализована диалектика мимесис/пойесис и проявляет себя аттрактор в пьесах А.П. Чехова.

Ключевые слова: мимесис, пойесис, аттрактор, драма, новая драма, драматический сюжет.

Самое общее определение мимесиса – подражание искусства действительности, но термин трудно переводим и в разное время возникают разные его трактовки. Уже в античности мы сталкиваемся с рядом подходов к интерпретации этого понятия.

Если обращаемся к взглядам Платона, то искусство подражает вещам, которые сами подражание идеям (эйдосам). Отсюда вытекает идея о том, что подражательное искусство излишне и уводит человека от истины, а не приближает к ней (об этом философ пишет в «Государстве» [6]). Но даже в концепции Платона эйдосы являются своего рода аттракторами, которые определяют возникновение реальных вещей, в т.ч. произведений искусства.

У Аристотеля [1] другое понимание мимесиса, он видит в искусстве такое подражание, которое открывает человеку взгляд на сущность вещей, так как подражает оно не внешним свойствам и признакам вещей, а самому существу мироздания, представляющего собой непрерывный переход материй в формы и возвращение форм в состояние первоматерии (метаморфозы). То, чему подражает искусство запускает сам творческий процесс и это сопоставимо с поведением аттрактора в сложных неравновесных (динамических) системах, т.е. это состояние или точка, к которой сходятся или стремятся различные траектории и переменные системы.

Лосев определяет мимесис как «подражание искусства окружающему его «реальному» миру». С отсылкой к «Поэтике» Аристотеля ученый пишет: «"Искусство возникает всякий раз, когда получается из многих осмысленных данностей опыта единое общее допущение относительно подобных вещей", причем определение происходит в данном случае в соответствии с эйдосом, так что "опыт есть знание единичных вещей, искусство же – общих" <... > Никакое искусство не рассматривает единичного"» [5, с.456]

Важный момент в понимании мимесиса Аристотелем: подражая природе, художник не вообще копирует, а выделяет что-то значимое для культуры, для человека этого времени, вокруг чего и происходит рождение произведения. Так «взятое» извне становится аттрактором, а выстраивание произведения – это своего рода сборка, творение, что уже

отсылает к другому важному понятию, выработанному философией античности – пойкисису.

Использование естественнонаучной терминологии для иллюстрации сущности мимезиса не случайно. Как и аттрактор, так и мимезис – термины, описывающие процессы, в которых какие-то элементы или тенденции притягивают другие элементы к себе. В аттракторе в динамической системе траектории сходятся к определенной точке. В искусстве, в мимезисе, элементы реальности воспроизводятся или отражаются с целью создания определенных впечатлений или эффектов. Оба понятия также могут подчеркивать идею влияния и притяжения. Аттрактор привлекает элементы к себе, а мимезис фактически является констатацией воздействия реальности на производство искусства.

Что касается пойкисиса – это понятие, обозначающее акт создания искусства, особенно поэтического. Пойкисис может также включать в себя процесс вдохновения, творчества и выражения чувств через слова. Сходства между обсуждаемыми понятиями в идее притяжения и движения. Аттрактор подразумевает движение к какой-то точке, в которой сходятся траектории. В пойкисисе важна идея движения – движения мысли, чувств и вдохновения, которые выражаются в словесном творчестве.

Размышляя над тем, как связаны между собой мимезис и пойкисис, О. Дубова [2] останавливается на комментировании аристотелевского представления о человеческой созидательной деятельности, согласно которому деятельность человека как раз объединяет и мимезис (подражание) и пойкисис (создание). Здесь идея слияния того и другого в человеке-творце и креаторе. Пойкисис связывается с желанием человека космизировать мир вокруг себя, придать ему системность и наделить правилами. Так, пойкисис становится попыткой объяснить естественный предмет через сделанный искусственным образом, то есть не просто повторить вещь, а воссоздать процесс ее появления, тем самым объяснив себе сущность вещи. Причем до осмысления подражания, то есть мимезиса, деятельность человека рассматривалась как пойкисис, то есть человек не находился в процессе постоянного сравнения того, что уже есть с тем, что он сделал, а постоянно производил, создавал мир вокруг себя. Соотношение мимезиса и пойкисиса видится как соотношение разных аспектов творчества и создания. Мимезис означает подражание или отображение реальности в искусстве. Это процесс передачи идеи, эмоций или явлений путем воспроизведения их в художественной форме, своего рода «сборка-подражание». Оно подразумевает сходство

между произведением и реальным миром. Пойэсис как термин ориентирован на процесс создания чего-либо нового, уникального и оригинального и это именно «собираение мира».

Обратимся к античной драме. В трагедии «Царь Эдип» Софокла происходит описание процесса, когда состояние системы из будущего и из прошлого, влияет на настоящее, ломается система, которая функционировала несколько лет. И здесь можно рассмотреть в качестве аттрактора понятие судьбы и неизбежности. Главный герой сталкивается с пророчествами и предсказаниями, которые ведут его к раскрытию трагических истин: нечто неизбежное, что притягивает события и персонажа к определенной точке – разоблачению правды о его происхождении и трагической судьбе. Это и создает напряжение и драматическую интенсивность событий.

Общий сюжет начинается с того, что Коринфский король Полиб усыновляет чудесным образом найденного младенца Эдипа. Эдип узнает от оракула, что он предназначен убить отца и жениться на матери, и чтобы избежать судьбы, он покидает Коринф. Однако его действия приводят к тому, что он встречается с незнакомцем на перекрестке и убивает его – не подозревая, что это был его настоящий отец Лай. Этот момент можно рассматривать как аттрактор, который привлекает его к свершению убийства и непреднамеренному выполнению предсказания. Позже Эдип становится новым правителем Фив и женится на вдове Лая – Иокасте.

Драматический сюжет у Софокла начинается с момента, когда Фивы страдают от «смертельного мора», а Эдип обращается к оракулу, но расшифровать полученное известие он не в силах. Царь обращается к прорицателю Тиресию в поисках источника бедствия, который обозначает, что Эдип сам является источником бедствия из-за убийства Лая. Эта точка также может рассматриваться как аттрактор, притягивающий раскрытие истины. Далее действия Эдипа, нацеленные на расследование, приводят его постепенно к раскрытию шокирующей правды – он сам является убийцей отца и мужем своей матери. Процесс раскрытия трагических истин уже невозможно остановить, и он непременно приводит Эдипа к осознанию сокрытого. Так сюжет трагедии можно интерпретировать как движение героя к раскрытию своей судьбы и неизбежным трагическим последствиям, которые связаны с предсказанием и страшными истинами о его прошлом, которые коренным образом реорганизуют ситуацию настоящего: Иокаста сходит с ума и лишает себя жизни, Эдип более не может быть правителем Фив и видеть свет, поэтому ослепляет себя и отправляется в изгнание, Креонт

остаётся правителем Фив и его Эдип просит позаботиться о своих младших детях – дочерях.

В трагедии «Антигона» Софокла мы видим непримиримую борьбу между долгом перед государством и долгом перед семьей. Антигона сталкивается с дилеммой: выполнить государственный указ и оставить брата без похорон, или нарушить закон ради семейного долга и похоронить его. Эта борьба между обязательствами формирует аттракторы, которые ведут к трагическому конфликту. Более того решение Антигоны – это проявление ее индивидуального творческого акта, который имеет глубокие моральные и эмоциональные последствия.

История начинается с того, что братья Этеокл и Полиник, сыновья Эдипа, вступают в конфликт за власть в Фивах, и оба гибнут в битве, убив друг друга. Креонт объявляет Этеокла героем, а Полиника – предателем и приказывает оставить тело Полиника без погребения. Антигона, их сестра, может или выполнить указ Креонта и не похоронить своего брата, нарушив долг перед семьей, перед «законами, чтимыми и богами», или нарушить указ правителя ради семейного долга и совершить обряд. Действуя в соответствии с моральными принципами и долгом перед семьей, Антигона хоронит Полиника. Это вначале намерение, а затем действие выступает как аттрактор, привлекающий ее к выполнению семейного долга.

Немаловажным для драматурга оказывается сопоставление жизненных позиций сестер. Антигона, хотя и ставит сестру в известность о своих намерениях, но решает исключительно за себя: совершает поступок и берет на себя за него ответственность. «Просить не стану: мне твое участие / Не надобно, хотя б ты и желала <... > доноси! Мне станешь ненавистней, / Коль умолчишь» [7], – говорит она сестре. Исмена в диалоге с Антигоной демонстрирует патриархальное сознание: «Мы женщинами рождены, и нам / С мужчинами не спорить, – помни это. / Над нами сильный властвует всегда. / Во всем – и в худшем – мы ему покорны. <...> Я буду подчиняться тем, кто властен: / Нет смысла совершать, что выше сил <...> Всегда бессмертных чтила я, но все же / Я против воли граждан не пойду» [7]. В репликах Исмены представлена другая сторона – следование указу, новому закону.

Сам правитель – Креонт, придерживаясь своего же указа и своего понимания долга перед государством, приказывает Антигону арестовать и наказать, об этой вероятности знала изначально и Антигона, о ней же предупреждала ее и Исмена. Конфликт между выполнениями долга героев приводит к столкновению. Так Антигона и Креонт двигаются к разным

аттракторам, по-разному понимая гармонию мира и социума – она стремится к сохранению семейных ценностей, а он к поддержанию власти и порядка. Этот конфликт усугубляется тем, что ни Антигона, ни Креонт не могут допустить иного (не своего решения). Развитие действия трагедии достигает своей катастрофической точки, где результатом становится смерть Антигоны, ее жениха (сына Креонта), супруги Креонта. Креонт, хотя и попытался после слов прорицателя что-то изменить, но трагические события уже совершились.

Используя миф, Софокл здесь объясняет изменения в сознании человека и в обществе, причем эти подвижки иллюстрируются через сюжет, где каждый герой поставлен перед определенным выбором и есть моменты, где вероятности развития действия могут множиться, но они и обусловлены аттракторами, привлекающими их к тем решениям, поступкам и событиям, которые происходят.

Обозначим, как реализует себя диалектика мимезис / пойезис в новой драме, в частности у А.П. Чехова. Ситуации, которые он вводит в драму, правдоподобны до того, что пьесы кажутся бессобытийными. Чехов известен своей способностью передавать мельчайшие детали и нюансы повседневной жизни. Он описывает окружение, предметы и действия своих персонажей так, что это создает впечатление присутствия и реалистичности. Это буквально создает атмосферу, которая подражает реальному миру. Персонажи говорят и ведут себя, как реальные люди. Чехов внимательно анализирует мотивы, мысли и эмоции персонажей, что помогает создать глубокие и многогранные характеры, которые подобны реальным людям. Драматург часто выбирает для своих произведений обыденные ситуации и темы – семейные вопросы, жизненные разочарования, моменты личного счастья и горя. Это делает его произведения более доступными и близкими для читателей, так как они отражают реальные аспекты жизни – нам сложно соотнести себя с героями Софокла, а герои Чехова предстают как обычные люди конца XIX века. В пьесах и рассказах Чехова почти никогда нет яркой сюжетной развязки или выраженного конфликта. Он часто оставляет события открытыми, как в реальной жизни, позволяя читателям сами воспринимать и интерпретировать произведения.

Чеховское творчество известно своим фокусом на психологию персонажей, их внутренние конфликты и жизненные моменты. Можно рассмотреть определенные мотивы или темы в его пьесах и рассказах, которые могли бы быть аналогичными аттракторам в динамических системах.

Например, часто повторяющиеся ситуации невозможности принять действенное решение – Сорин («Чайка»), Серебряков («Дядя Ваня»), Раневская и Гаев («Вишневый сад»). Внутренняя борьба персонажей или их тяготение к определенному выбору и решению также могут рассматриваться как аттракторы. Это элементы, которые возникают по воле случая, но, тем не менее, могут иметь определенную привлекательность и инерцию, которые в свою очередь влияют на судьбы персонажей и формируют сюжет – встреча Нины Заречной и Тригорина («Чайка»), женитьба Андрея, перевод военных в другой город («Три сестры»). Причем случай-аттрактор не обязательно может быть включен в сценическое действие, например, женитьба на Елене Андреевне Серебрякова, а не Войницкого произошла задолго до событий, которые видит зритель («Дядя Ваня»). Аттрактором может быть персонаж, который формирует вокруг себя комплекс ожиданий и представлений о себе, например, Платонов в ранней пьесе Чехова «Безотцовщина» [4]. «Узловые точки повышенной интенсивности, к которым стягиваются структурные напряжения произведения» [3, с.63] присутствуют и в малой драматургии писателя.

Таким образом, мимесис и пойсис, являясь одновременно разными аспектами художественного творчества, находятся в диалектическом соотношении и взаимодействии, причем это видно и на материале античной драмы, и театра Чехова. Диалектика $\mu\acute{\iota}\mu\eta\sigma\iota\varsigma$ / $\rho\omicron\iota\eta\sigma\iota\varsigma$ и сохраняется, и видоизменяется. Естественнонаучная терминология, в частности понятие аттрактора, позволяют более точно описать сущность мимесиса и пойсиса, а также представить модель драматического сюжета и развития драматического действия у Софокла и А.П. Чехова.

Литература

1. Аристотель Поэтика: Об искусстве поэзии [Электронный ресурс]. URL: http://philologos.narod.ru/classics/aristotel_poe.htm (дата обращения: 20.06.2023)
2. Дубова О. Б. Мимесис и пойсис: Античная концепция «подражания» и зарождение европейской теории художественного творчества. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 271 с.
3. Иванова В.Н. Аттрактор и аттрактивность как компоненты поэтики малой драматургии А. П. Чехова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. №1.2. С.63-67.
4. Иванова В.Н. Синергическая конструкция человека модерна в ранней драме А.П. Чехова // Современное как проблема в истории литературы и культуры: слова и границы понятий «модерн», «модернизм», «постмодерн», «постмодернизм». Самара: ООО «Слово», 2021. С. 208-218.

5. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т.4. М.: Искусство, 1975. 884 с.
6. Платон Государство [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt> (дата обращения: 15.06.2023).
7. Софокл Антигона (пер.С.Шервинского, Н.Познякова) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/POEEAST/SOFOKL/antigona.txt> (дата обращения: 20.06.2023).

Т.С. Орлова
СПГХПА им. А.Л. Штиглица; Санкт-Петербургский
государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ-АНТИУТОПИЙ КАДЗУО ИСИГУРО

Аннотация. Статья на материале романов «Не отпускай меня» и «Клара и Солнце» Кадзуо Исигуро рассматривает философское осмысление писателем биоэтических вопросов: моральных и этических последствий развития генной инженерии, технологий для расширения человеческих возможностей, клонирования людей для трансплантации органов, а также искусственного интеллекта. Исигуро исследует влияние коренных технологических улучшений на природу человека, в том числе влияние на наше чувство самоидентичности. Делаются выводы о том, что вопросы трансгуманизма побуждают Исигуро к попыткам проникнуть в сознание андроидов и клонов, поставив в центр повествования новый тип Другого.

Ключевые слова: британская проза, антиутопия, наука, технологии, Исигуро.

Романы сэра Кадзуо Исигуро, лауреата Нобелевской премии по литературе, как отмечается международными критиками и читателями, обладают глубокой философской проблематикой. Поэтика его романов часто рассматривается как сочетание тонкого стиля и меланхолической грусти. Исигуро также известен тем, что в литературных работах изучает морально-этические вопросы в культуре XX-XXI в., а также такие ключевые для пост-модернистского писателя темы, как память, время и самоидентификация личности.

В статье рассматривается философское осмысление Кадзуо Исигуро вопросов биоэтики, представленных в двух романах в жанре антиутопии: «Не отпускай меня» (2005) и «Клара и Солнце» (2021). Эти литературные работы Исигуро посвящены рассмотрению ряда биоэтических вопросов, например, моральных и этических последствий развития генной инженерии,